

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:

ОБРЯДНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

(отв. ред. — Д.В. Громов)

ЯЗЫК СКОРБИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРАКТИКИ СОЗДАНИЯ “СПОНТАННЫХ” МЕМОРИАЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д.В. Громов

Дмитрий Вячеславович Громов | <http://orcid.org/0000-0002-0443-8718> | gromovdv@mail.ru | д. и. н., ведущий научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

коммеморативные практики, спонтанный мемориал, места памяти, похоронно-поминальная обрядность

Аннотация

Настоящая статья открывает специальную тему номера: “Обрядность в пространстве современного города”, в которую вошли также статьи Д.А. Радченко и А.В. Загорулько и Е.А. Крыкова. На протяжении нескольких последних десятилетий сформировался язык публичного символического выражения скорби, связанного с резонансными трагедиями. Этот язык предполагает возникновение преимущественно спонтанных коммеморативных практик, основанных на инициативе частных лиц и небольших заинтересованных групп. Речь идет о формировании в городском пространстве специальных символически нагруженных мест памяти, о манипуляции цветовыми гаммами, имеющими символическое значение, об использовании репертуара индивидуальных и групповых коммеморативных действий. Однако в России наблюдается тенденция к присвоению таких практик государством и его акторами.

Данная статья открывает специальную тему номера, посвященную различным формам существования ритуальных практик в современном городе. При общей модернизации общества по-прежнему актуальны многие социальные ситуации, связанные с обрядностью: это презентации сакральности в различных ее проявлениях, изменение социальных и экзистенциальных статусов, коллективное выражение социально значимых эмоций, обеспечение безопасности и мн. др. Обрядность в современном обществе сохраняет значительную часть своих функций: она переводит в сакральный регистр многие события

Статья поступила 21.09.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 01.10.2024
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Громов Д.В. Язык скорби в публичном пространстве: практики создания “спонтанных” мемориалов в современной России // Этнографическое обозрение. 2025. № 1. С. 5–22. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010016> EDN: URYPTD

Gromov, D.V. 2025. Yazyk skorbi v publichnom prostranstve: praktiki sozdaniiia “spontannykh” memorialov v sovremennoi Rossii [The Language of Grief in Public Space: Practices of Creating “Spontaneous” Memorials in Modern Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 5–22. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010016> EDN: URYPTD

и явления, консолидирует общество в целом и отдельные группы, выполняет роль инструмента памяти и сохранения ценностей, обслуживает потребность в смене социального статуса, программирует процессы и проч. При этом увеличивается значимость игровой и эстетической составляющих обрядности. Пространство современного города становится местом для ритуала, для символической манифестации самых разных акторов, для многостороннего диалога власти, общества, различных групп и индивидов. Обрядности способствуют, помимо прочего, развитие городских пространств, расширение сферы публичности современного человека, совершенствование сферы услуг и проч.

Предлагаемая статья посвящена практикам публичного символического выражения скорби, многие из которых возникли сравнительно недавно. В настоящее время в городах сложилась традиция: после резонансных трагедий (преждевременных смертей, убийств, гибели в ходе аварий, военных действий, социальных катаклизмов и др.) возникают так наз. *спонтанные мемориалы* (*spontaneous memorials*) в память о произошедшем (в публикациях эти мемориалы также называются народными, стихийными, временными, импровизированными и т.д.). Таким объектам и действиям, связанным с ними, посвящена обширная научная литература. Чаще всего спонтанная мемориализация рассматривается в контексте категорий социокультурной памяти (М. Хальбвакс, П. Нора) и травмы (К. Карут, Дж. Хартман, П. Штомпка).

Раньше других возникли спонтанные мемориалы, отмечающие места гибели на дорогах. Практики сакрального оформления дорог существовали всегда, но во второй половине XX в. с развитием автомобильного транспорта традиции установки придорожных мемориалов (*roadside memorials*) стали привычными во многих регионах мира, в том числе в Советском Союзе (Соколова, Юдкина 2012). С начала 1980-х годов практики публичной коммеморации вышли на новый уровень: стали возникать спонтанные мемориалы в память о самых разных драматичных событиях, связанных с гибелью людей, особенно это относится к трагедиям, имеющим большой общественный резонанс (Santino 2010).

Коммеморации свойственна *перформативность*; иначе говоря, при формировании мемориалов создается символическое высказывание, выражающее какую-либо идею или набор идей и несущее определенную смысловую нагрузку: 1) мемориальную, или коммеморативную, связанную с поминовением усопших; 2) социально-политическую, связанную с проблемами, вызвавшими трагедию. “Публичное увековечивание, как правило, находится в концептуальной области, которая колеблется между коммеморацией и социальной активностью” (Santino 2010: 51). Для каждого конкретного мемориала соотношение коммеморативного и социально-политического индивидуально. Спонтанные мемориалы “можно рассматривать как факторы межлического общения. Это объекты, которые люди сформировали для передачи сообщений” (Rajković 1988: 174).

Создание и поддержание спонтанных мемориалов часто предполагает наличие какого-либо сообщества заинтересованных людей, способных к самоорганизации. Так, на месте гибели американского бегуна Стива Префонтейна производят ритуальные действия любители бега, поскольку погибший прилагал значительные усилия к популяризации этого вида спорта (Wojcik 2008). Для развития придорожных мемориалов на северо-востоке США много сделала ассоциация Mothers Against Drunk Driving, объединяющая матерей погибших (Margry 2011: 4). “Такие мемориалы способствуют индивидуальным презентациям

эмоционального, социальной или политической идентичности в публичном пространстве” (Ibid.: 29), а участие в поддержании спонтанного мемориала — это во многом вопрос самоидентификации.

В данной статье я стремлюсь решить две задачи: во-первых, на основе накопленного эмпирического материала прийти к пониманию того, как через создание спонтанных мемориалов формируются перформативные высказывания¹, во-вторых, показать динамику этих процессов, а именно — переход от “спонтанных” действий к действиям, внешне очень похожим на спонтанные, но инициированным “сверху”.

Статья является результатом длительного, почти 20-летнего научного интереса. В качестве эмпирического материала для анализа я использую собиравшуюся на протяжении долгих лет базу данных, включающую информацию о 120 мемориалах, возникших в России и странах ближнего зарубежья в 2006–2021 гг. и связанных с какими-либо резонансными событиями (убийствами, несчастными случаями, гибелью в террористических актах и катастрофах). По возможности мемориалы исследовались лично, производилось подробное фотодокументирование, интервьюирование, иногда — включенное наблюдение за ритуальными практиками. О некоторых случаях спонтанной коммеморации мной были написаны статьи (Громов 2014, 2018); этой теме была посвящена вышедшая в 2017 г. книга (Громов 2017). Осмыслению полевого материала способствовали многочисленные зарубежные и русскоязычные публикации о спонтанной мемориализации (всего более 100 наименований). В качестве примера будет проанализирован конкретный случай публичного выражения скорби, связанного с массовым убийством 11 мая 2021 г. в Казани.

Спонтанные коммеморативные практики, как мне кажется, нужно рассматривать в более широком контексте: как частный случай встраивания обрядности в публичное городское пространство. Современные горожане все чаще совершают ритуализованные действия на улице — этому способствуют как трансформация мироощущения людей, так и развитие общественных пространств. Формируются локусы не только коммеморации, но и других обрядовых действий: свадебные достопримечательности (куда приезжают свадебные процессии), места исполнения желаний и др. (Громов 2013).

Как создать коммеморативное высказывание

Формирование перформативного высказывания предполагает презентацию символики, выраженной через выбор соответствующих предметов и места для коммеморации, через создание визуальных образов и вербальных посылов (Santino 2006). Это элементы “языка”, позволяющие всем желающим высказать свое мнение о произошедшей трагедии.

Место для спонтанного мемориала должно соответствовать требованиям перформативности: подчеркивать смерть. Примерно 75% собранных мной случаев — спонтанные мемориалы рядом с местом гибели людей. В случае, когда это затруднительно (напр., когда трагедия произошла в другой стране, другом городе, в море, в воздухе и др.), для коммеморативных действий выбирается некое место, символически представляющее драматическое событие:

- посольство или представительство, если трагедия произошла в другой стране или на отдаленной территории. Например, после аварии автобуса

- с бельгийскими туристами 14 марта 2012 г. (погибло 28 человек, в том числе 22 ребенка) мемориал возник у посольства Бельгии в Москве;
- место работы погибшего или место, символизирующее его профессию. Например, после гибели в Турции российского дипломата А.Г. Карлова (19.12.2016) мемориал был создан в Москве у здания МИД; 28 апреля 2020 г. напротив комитета по здравоохранению в Санкт-Петербурге появилась стена памяти медиков, умерших от эпидемии COVID-19;
 - вокзалы, аэропорты, пристани – для трагедий на транспорте. Например, после аварии пассажирского самолета Шарм-эш-Шейх–Санкт-Петербург 30 октября 2015 г. возник мемориал в аэропорту Пулково;
 - центральные места населенных пунктов. Трагедия 30 октября 2015 г. привела к появлению мемориала около Александровской колонны на Дворцовой площади (Соколова 2015);
 - место, как-либо символически ассоциирующееся с трагедией. Например, проведение обрядовых действий у плит с названиями городов-героев, установленных после Великой Отечественной войны; так, после массового убийства в Керчи 17 октября 2018 г. во многих городах России и ближнего зарубежья возлагались цветы к памяtnому знаку Керчи.

Трагические события случаются с печальной регулярностью, поэтому в некоторых городах формируется традиция коммеморации: мемориалы возникают в одном и том же месте, удобном для всех и насыщенном символическими смыслами. Так, в подмосковном г. Люберцы, где я живу, таким местом стал мемориал памяти погибших в локальных конфликтах (Куракинская ул.), вернее, его центральный объект – фигура скорбящего ангела. После резонансных трагедий здесь и у расположенной напротив часовни Всех Святых, посвященной памяти люберчан, павших в боях за Отечество, появляются цветы и поминальные предметы. Эти два объекта (фигура ангела и часовня), задуманные как части единой композиции (центральной для города), разделены и физически, и визуальнo оживленным проспектом с эстакадой, поэтому для совершения коммеморативных действий горожане используют один из них – тот, до которого проще добраться. Причины выбора этих объектов: их коммеморативный характер (изначально охватывающий широкий исторический пласт), религиозный символизм (скорбящий ангел, часовня), удобство посещения (центральное положение; место, через которое проходят транспортные пути к станциям метро).

Развитие городских пространств привело к тому, что во многих городах появились “тематические” скульптуры, отражающие различные явления и эмоции, удобные для формирования символических высказываний. Например, московский памятник жертвам теракта в Беслане может использоваться и для поминовения жертв других трагедий, в которых гибнут дети.

Средства формирования высказывания. Перформативные высказывания, связанные с трагедиями, формируются с помощью определенных предметов и действий.

Самый популярный символический предмет, позволяющий выразить скорбь, – *цветы*. В поисковиках информацию о народных мемориалах удобнее всего искать по словосочетанию “несут цветы”. Второй по популярности предмет – *свечи/лампадки*: с одной стороны, они насыщены религиозными коннотациями, с другой – удобны для создания перформативного высказывания и привлекают внимание (Rulfs 2011: 150–151).

Более сложный прием формирования перформативных высказываний — манипуляции *цветовой гаммой*. На протяжении последних 30 лет сложился определенный семиотический код, позволяющий с помощью подбора цветов формулировать политизированные высказывания; как правило, это отсылки к колористике флагов. Такие высказывания формулируются и в ходе уличных акций (Громов 2012: 219–221), и при совершении коммеморативных действий. Красный цвет символизирует коммунистическую идеологию (см. Рис. 1). Комбинация черного, желтого и белого (дореволюционный “имперский” флаг) характерна для консервативных политических активистов. Расцветка государственного российского триколора (белый — синий — красный), ранее использовавшаяся пропутинскими активистами, с февраля 2015 г. (после убийства Б.Е. Немцова) начала активно применяться оппозицией либеральной направленности (Громов 2017: 115–117). Расцветка “георгиевской ленты”, изначально служившая напоминанием о победе в Великой Отечественной войне, с 2014 г. стала восприниматься как знак поддержки ДНР и ЛНР (О чем говорит... 2015).

Рис. 1. Один из объектов мемориала, посвященного погибшим во время восстания в октябре 1993 г. (Москва, Дружинниковская ул.). Подбором цвета (красный с добавлением траурного черного) подчеркивается приверженность погибших коммунистическим идеям. Сентябрь 2012 г. Фото автора

В каждом конкретном случае могут формироваться особые способы манипуляции цветовой гаммой. Так, после авиакатастрофы под Смоленском 10 апреля 2010 г., в которой погибла польская делегация во главе с президентом, на месте аварии и у посольства Польши в Москве было много букетов из красных и белых цветов, повторяющих расцветку польского флага; в Варшаве из таких цветов, собственно, и сложили флаг.

Смысловым центром многих мемориалов становятся *информационные щиты* разного размера (плакаты, баннеры, таблички), с помощью текстов и изображений поясняющие, какие трагические события привели к их созданию. Часто

таким ключевым объектом становятся портреты погибших. Если спонтанный мемориал со временем заменяется постоянным (напр., гранитным монументом), то информативные функции переходят к нему — на памятнике размещается поясняющий текст, иногда фотографии погибших.

Как развернутую форму “информационной таблички” можно рассматривать и мурал — стену, покрытую тематическим граффити. Так, после ранней смерти рэпера Децла (К.А. Толмацкого) муралы в память о нем возникли как минимум в 20 городах России и ближнего зарубежья. Создатели граффити большей частью относились к хип-хоп тусовке; поминание Децла через создание народных мемориалов стало коллективной субкультурной акцией. Яркий пример мемориальных граффити как палимпсеста — стена Цоя на московском Арбате. После гибели рок-музыканта летом 1990 г. здесь возникло (и существует до сих пор) место поминовения; поклонники оставляют здесь граффити, год за годом накапливаются новые слои. Памятные надписи (повсеместно встречающееся “Цой жив”) возникали после гибели Виктора Цоя по всему Советскому Союзу, например, своя “стена Цоя” до сих пор (хотя и в запущенном состоянии) сохранилась в подмосковном Жуковском. Надо отметить, что территориально коммеморативные муралы обычно никак не привязаны к местам, имеющим какое-либо отношение к тем, кому они посвящены; здесь работают другие принципы выбора: наличие подходящей стены, возможность на ней рисовать и т.п.

Конечно, информационную функцию могут иметь *тексты*, выкладываемые на мемориале. Например, какое-либо слово может выкладываться из зажженных лампадок. После гибели самолета рейса FZ-981 19 марта 2016 г. на Тверской площади в Москве, рядом с памятником Юрию Долгорукому горящими лампадками было выложено слово “Скорбим”. Иногда создание подобных инсталляций — действие некой организованной группы, которая приходит на место уже с заранее закупленными лампадками.

Наиболее развернутой формой коммеморативных текстов является траурная поэзия: резонансная трагедия подталкивает людей к написанию стихов (в настоящее время они публикуются в интернете, иногда на специальных интернет-площадках, посвященных событию). “Траурная поэзия представляет собой эмоционально усиленное и трансформированное (при помощи поэтической формы) в перформативный жест новостное сообщение” (Югай 2016: 50). Приносят стихи и на мемориалы (а позже и на могилы) и оставляют их здесь. Стихи значительно различаются по качеству; среди них есть и наивные, и достаточно изысканные тексты. Общий уровень траурной поэзии зависит от того, какую группу заинтересованных лиц затрагивает драматическое событие. Так, трагедии с большим количеством жертв, в числе которых есть и дети, эмоционально захватывают самых разных людей, заставляя их искренне высказываться по мере способностей — появляются строки, иногда грешащие отсутствием рифмы и/или ритма. А, например, те, кто реагировал стихами на гибель политика Б.Е. Немцова, в целом имели более высокий уровень образования и оказались более компетентными в вопросах стихосложения.

На месте памяти могут оставлять предметы, с которыми ассоциируются погибшие. Так, к мемориалу Фиделя Кастро у посольства Кубы (2016) принесли сигары, бутылку кубинского рома (своего рода символы этой страны). После смерти Стива Джобса (2011), основателя компании Apple (букв. “яблоко”), к ее фирменным магазинам несли яблоки (это происходило во многих странах, в том

числе и в России). На мемориале певицы Г.П. Вишневской (11.12.2012) кто-то оставил пластинку с ее записями. На месте убийства студентки А. Ещенко (2019) был выложен листок со списком ее публикаций и научных достижений (Мемориал 2019). К месту гибели и на могилу девятилетней девочки, убитой в Вологде (2021), клали игрушечных розовых слонов; ранее СМИ сообщали, что это была любимая игрушка покойной, использовавшаяся для поисков кинологами (*Словохотова* 2021).

При поминовении больших групп людей скорбящие могут приносить предметы с символическим содержанием. Например, после террористического акта во Франции 13 ноября 2015 г. на мемориале у посольства этой страны можно было увидеть, помимо прочего, бутылки французского вина и круассаны. После аварии на АЭС Фукусима-1 (11.03.2011) к посольству Японии приносили предметы, связанные с японской культурой: рисунки в стиле аниме, игрушки-покемоны, бумажных журавликов-оригами (отсылка к истории Садако Садаки — девочки, умершей от лучевой болезни после бомбардировки Хиросимы) (см. Рис. 2). К памятнику погибшим в Беслане (01.09.2004) приносят бутылки с водой в память о том, что заложники, удерживаемые террористами, мучились от жажды. В трагедиях, связанных с детьми, юный возраст погибших подчеркивается через выкладывание на мемориалах игрушек и сладостей; подобные действия производятся и на кладбищах (*Громов* 2010).

Рис. 2. Символические предметы формируют перформативное высказывание. Мемориал у посольства Японии, март 2011 г. Фото автора

Кто делает высказывания

Как уже было сказано в начале статьи, создание и поддержание мемориалов часто предполагает наличие какой-либо группы заинтересованных людей, способных к самоорганизации. С этим я столкнулся, когда просматривал книгу записей, выложенную в представительстве Ростовской области на мемориале, посвященном авиакатастрофе 19 марта 2016 г. в Ростове-на-Дону: писали преимущественно люди, имеющие отношение к Ростову, — бывшие и нынешние жители этого города, представители землячества.

Примером слаженной группы, регулярно реагирующей на трагические события, является фанатское сообщество — футбольные и хоккейные болельщики. В нашей базе отражены коммеморативные практики, посвященные гибели болельщиков Юрия Волкова (2010) и Егора Свиридова (2010), а также масштабные акции в память об игроках ярославского “Локомотива”, погибших в авиакатастрофе 7 сентября 2011 г., создание спонтанных, а затем и официальных мемориалов команде (Соколова 2014).

Место гибели может стать центром *символического диалога*, в том числе конфликтного. Так, 6 декабря 2010 г. в драке с кавказцами погиб футбольный болельщик Егор Свиридов; на месте убийства возник спонтанный мемориал (он вписался в автобусную остановку, рядом с которой произошла трагедия). Посетители мемориала (тоже футбольные болельщики) оставляли здесь вещи (шарфы, шапки, флажки) с символикой своих клубов, выражая солидарность и подчеркивая идею фанатского братства. В какой-то момент здесь появилась и бело-зеленая бейсболка ФК “Терек” (Грозный); символический посыл того, кто ее принес, легко прочитывался: футбольные болельщики — братья, независимо от того, русские они или кавказцы; фанаты с Кавказа скорбят о гибели вместе со всеми. Но кому-то из посетителей мемориала такая идея показалась недопустимой, и очень скоро бело-зеленая бейсболка исчезла. Еще одно символическое действие: 11 декабря прошла массовая акция с требованием привлечь к ответственности убийц Свиридова (беспорядки на Манежной площади); на следующий день на мемориале лежала газета с большой статьей об этой акции — кто-то принес ее как отчет о мести.

В своей книге я подробно описал символические интеракции и конфликты, которые возникали вокруг мемориала на месте убийства Б.Е. Немцова на Большом Москворецком мосту (Громов 2017: 62–141), — это были символические диалоги с властью, конфликты с политическими оппонентами и административными структурами.

Народные мемориалы на местах гибели активистов в ходе белорусских протестов (2021) вызвали резкую критику президента страны А.Г. Лукашенко, который заявил, что

такого рода места памяти создаются с целью “психологического воздействия на население” для поддержания протестной активности в интересах зарубежных стран. В подобных местах неминуемо происходят конфликты между гражданами, отметил Лукашенко. <...> Также он отметил, что “Минск в кладбище превращать нельзя”, и распорядился ликвидировать подобные мемориалы по всей стране (Лукашенко... 2020).

В некоторых случаях практики спонтанной коммеморации могут рассматриваться как форма символического сопротивления власти (идеологии,

доминирующей социальной группе или политической силе), как “оружие слабых”, использующее смерть и память в качестве ресурсов для диалога (Scott 1990). Мемориалы, перформативный посыл которых лежит в сфере политического, сохраняются длительное время, если проблемы, затронутые трагедией, остаются актуальными. Таким образом, коммеморация оказывается реакцией на нерешенность политических проблем, породивших трагедию, и конфликты вокруг спонтанных мемориалов также порождены этой нерешенностью (Громов 2017: 158–169).

От спонтанной коммеморации к организованной

Авторы, пишущие о спонтанных мемориалах, предполагают “индивидуальную мотивацию субъектов; их самостоятельное решение о создании такого места или содействие ему, обусловленное собственным желанием <...> Эти святилища не являются результатом официальной директивы государства или церкви” (Santino 2010: 52). В то же время, как уже говорилось, в создании мемориалов принимают участие не только отдельные граждане, но и целые организации, заинтересованные в коммеморации. Часто организация предоставляет специальное место, выставляет столы для цветов, вывешивает баннеры, выделяет сотрудников для обслуживания (см. Рис. 3). Известны случаи, когда трагедия, первоначально вызвавшая волну спонтанной обрядности, дает начало официальной коммеморации.

Рис. 3. Мемориал на месте теракта на станции “Лубянка” (29 марта 2010 г.). Пример того, как официальная организация (Московский метрополитен) обеспечивает спонтанный мемориал — установлены столы и транспарант, сотрудница метрополитена ухаживает за цветами. Фото автора

В российских реалиях временные мемориалы, посвященные резонансным трагедиям, становятся все менее “спонтанными” (поэтому в названии статьи это слово употреблено в кавычках). Наблюдается тенденция присвоения властью практик, связанных со стихийной коммеморацией. Иначе говоря, в случае трагических событий мемориалы изначально создают представители власти — обычно это муниципальное руководство при поддержке близких к нему общественных организаций и СМИ. Освоение властью репертуара низовых практик происходит в разных сферах, при этом перенимается опыт оппозиционного уличного активизма, централизованно создаются волонтерские движения, инициативные группы для обустройства городского пространства и проч.

Видимо, переломным моментом, обозначившим наметившуюся тенденцию присвоения коммеморативных практик государством, можно считать события, связанные с поминовением погибших во время пожара в ТРК “Зимняя вишня” (Кемерово, 25.03.2018) (Югай 2019). Трагедия, унесшая 64 жизни (в том числе 37 детей), потрясла всю страну; возникло минимум 335 мемориалов в 246 населенных пунктах². В частности, в Москве началась подготовка к созданию спонтанного мемориала. По итогам обсуждения в интернете была выбрана Пушкинская площадь, где и состоялась первая акция памяти. Это вызвало обеспокоенность московских властей, поскольку в 2017 — начале 2018 г. на этой площади проходила серия резонансных протестных акций; в этих условиях любая неконтролируемая активность в городе воспринималась как нежелательная. Решение было найдено: на Манежной площади, при входе в Александровский сад, был создан отдельный мемориал — на столах разложили портреты погибших, цветы, символические предметы (даже менору). Все было сделано “как должно быть”, т.е. возникла имитация “спонтанного мемориала”. Мемориал, сюжет о котором был показан в новостях Первого канала, обслуживался волонтерской организацией, созданной правительством Москвы. Таким образом в столице возникло два центра притяжения для желающих помянуть погибших кемеровчан. На Манежной площади (сюда тоже приходили люди, и совершались поминальные обряды, в том числе организованные) мемориал просуществовал семь дней (см. Рис. 4), на Пушкинской — несколько недель (дольше 40 дней).

Новый подход к коммеморации можно проследить на примере поминовений, происходивших после массового убийства 11 мая 2021 г. в гимназии № 175 в г. Казани. Мне удалось найти информацию о посвященных этой трагедии мемориалах, которые были созданы в 83 городах, в том числе в 6 городах ближнего зарубежья (Киев, Донецк, Минск, Кишинев, Ташкент, Худжанд). Об этих мемориалах и действиях, связанных с ними, трудно составить полное впечатление, поскольку информация о них обрывочна, основана большей частью на публикациях в местных СМИ. Но в целом видно, что коммеморативные действия здесь вполне узнаваемы и соответствуют сложившемуся в обществе “языку скорби”: люди, чтобы выразить свои чувства, “несут цветы и игрушки” на особые места (Жители Владимирской 2021). Эти места выбираются согласно их символике и/или удобству их достижения:

- чаще всего мемориал жертвам в Казани возникал в центре города: возле существующих памятных объектов (например, в Братске цветы возлагали у постамента памятника В.И. Ленину, на центральной площади, рядом со зданием администрации); в местах отдыха — в парках (Ростов-на-Дону, Хабаровск, Альметьевск и др.) или на набережных (Иркутск, Благовещенск и др.);

Рис. 4. Курсанты МЧС организованно возлагают цветы к “официальному” мемориалу памяти погибших в Кемерово. Март 2018 г. Фото автора

- ввиду того, что во время массового убийства погибли школьники и учителя, выбирались места с символикой детства — в нашей выборке их 22 (т.е. больше четверти). Например, в Оренбурге таким местом стал памятник первой учительнице на ул. Советской, в Астрахани — памятник семье и верности у Лебединого озера, в подмосковном Сергиевом Посаде — памятник семье Сергия Радонежского, в Севастополе — фонтан со скульптурами детей в Комсомольском парке. Иногда оказываются задействованы места, которые связаны с произошедшими раньше случаями трагической гибели детей (с пожаром в ТЦ “Зимняя вишня” в Кемерово, терактом в Беслане, массовым убийством в Керчи);
- зачастую выбирались посольства или представительства Татарстана. Это относится ко всем иностранным городам, где возникали мемориалы, а также к Москве, Санкт-Петербургу, Екатеринбургу;
- изредка встречались места, символически связанные с татарами (в Москве, напр., это памятник Мусе Джалилю). Предположительно, инициатива коммеморации в подобных местах принадлежала татарским общинам. Так, в Москве это был Татарский культурный центр (Дом Асадулаева), имеющий прочные связи с полпредством Татарстана, в Южно-Сахалинске — региональная общественная организация сахалинских татар “Туган-тел”, представители которой создали в местном татарском этнографическом музее уголок памяти погибшим (Сахалинцы 2021);
- памятным местом могли стать символические скульптуры: например, фигуры ангелов или “Женщина с птицей мира” (Находка, Приморский край) и проч.

Как уже говорилось выше, быстрому формированию коммеморативных высказываний способствуют и выработавшиеся в обществе навыки публичной скорби, и наличие насыщенного символами городского ландшафта. Показателен диалог, обнаруженный в локальном интернет-сообществе Иркутска. Один горожанин сетовал, что памятник учителю и детям — не очень удачный выбор для поминовения. Ему ответили: “Ну сходи к Вечному огню возложи цветы в честь учителя и учеников, погибших в Казани! А лучше к Ленину или к Бабру (скульптура, воспроизводящая герб города. — *Д.Г.*). А что нет-то! Но, случился теракт, не дай Бог конечно, где-нибудь, и в каждом городе за сутки построят “Стихийный мемориал” для скорби именно по этим погибшим...”. Из этого высказывания видно, что в сознании горожан сформирована ментальная карта собственного города, содержащая локусы, пригодные для различных символических действий.

Однако важно отметить, что хотя “язык скорби”, связанный с казанской трагедией, вырабатывался спонтанно на протяжении многих лет, используется он далеко не спонтанно. Как минимум в 50% случаев видно, что коммеморативные действия в российских городах организованы. Это заметно, в частности, по наличию на мемориалах достаточно дорогого оборудования и оформления, требующего профессионального монтажа (напр., установки баннеров, растяжки больших полотен ткани). Иногда здесь организуются акции памяти с участием представителей администрации, общественных организаций (близких к администрации), студентов и школьников. Зачастую информация о мемориале содержится на сайте местной администрации или общественных организаций (т.е. фактически это отчет о мероприятии). Например, во Владимире мемориал у Успенского собора был организован по инициативе губернатора при поддержке митрополита Владимирского и Суздальского.

Сегодня на пресс-подходе журналисты задали мне вопрос, куда во Владимире можно возлагать цветы в память о жертвах трагедии в Казани. Я предложил площадку перед Успенским собором. Он помнит череду горьких событий и для многих из нас символизирует силу веры в итоговое торжество добра, стойкость во всех испытаниях, — сообщил губернатор в соц-сетях (Жители Владимирской 2021).

Инициаторами создания мемориала на центральной площади Горно-Алтайска стали центр патриотического воспитания “Вымпел” и Общественная палата региона при поддержке правительства Республики Алтай (Жители республики 2021). Примером организованного поминального действия, связанного с трагедией в Казани, является церемония у памятника “Черный тюльпан” (посвященного погибшим при исполнении служебного долга) в подмосковном Серпухове (Свеча памяти 2021). О том, что действо курируется свыше, можно судить по видео, выложенному в интернете: в церемонии участвуют 150–200 человек, в центре — подростки в униформе под руководством военного, но рядом много взрослых и детей (напр., несколько женщин с колясками); девушка читает текст; объявляется минута молчания; присутствующими возлагаются цветы и мягкие игрушки; в течение всей акции (запись составляет около 14 мин.) звучит соответствующая эстрадная музыка; происходящее снимается на видео (Там же). Создается впечатление, что мероприятие организовано некой группой, имеющей

ресурсы (звуковоспроизводящую технику, видеокамеру, деньги на закупку цветов), но в нем участвуют самые разные люди (возможно, пришедшие по объявлению в открытых источниках).

Тот факт, что мемориалы создаются централизованно, никак не отменяет спонтанной составляющей; сюда несут цветы и стихийно организовавшиеся граждане, поскольку информация о мемориале публикуется в местных СМИ и интернет-сообществах. Коммеморативные цели и инициаторов, и участников совпадают, сведений о каких-либо конфликтах найти не удалось. Наверняка уже сформировался и навык выражения скорби в публичных местах. Если раз за разом мемориалы в память о погибших детях возникают в одном и том же месте — при новой трагедии люди уже знают, куда идти и как себя вести.

Переход от индивидуальных спонтанных практик к практикам, организованным централизованно, ведет к созданию новых приемов. Например, выработалась стандартная форма поминального изображения: горящая свеча на сплошном черном фоне; это изображение дополняется коротким мемориальным текстом (см. Рис. 4). Такие изображения часто можно увидеть на временных мемориалах, причем это и небольшие распечатки (часто встроенные в рамки), и большие баннеры, и масштабные инсталляции. Так, после трагедии в Казани “на медиафасаде Ельцин Центра <...> зажгли огромную свечу в память о жертвах вооружённого нападения” (В Екатеринбурге 2021). Баннеры со свечой настолько стандартны, что даже возникает мысль: не организовано ли их создание централизованно. Однако баннеры на мемориалах — только частный случай, изображения свечей еще с начала 2000-х годов активно используются в интернете для выражения скорби. Чиновники на местах и руководители общественных организаций “признали” горящую свечу мемориальным символом, помимо прочего, и потому, что она неоднократно была задействована в централизованно проводившихся мемориальных мероприятиях (напр., с 2000-х годов в разном формате проходили акции с названием “Свеча памяти”) (Свеча памяти 2024).

Тот факт, что в России “спонтанная” мемориализация все чаще организовывается представителями власти, вызывает озадаченность. Дело в том, что в западной научной литературе такие процессы отражены очень слабо: если там описывают спонтанные мемориалы, то уж они действительно спонтанные — созданные рядовыми людьми или небольшими инициативными группами. Не сказать, что участия государства в этих проектах совсем нет, известны случаи поддержки коммеморативных инициатив (*Milošević* 2018), стандартизации (*Cann* 2014), музеефикации больших мемориалов (*Arvanitis* 2019) и проч. Но ситуации, когда акции памяти по всей стране организуются представителями власти (как это было с трагедией 11 мая 2021 г.), для западных стран нетипичны.

Авторы процитированной выше статьи о коммеморации трагедии в Кемерове говорили о стремлении власти имитировать низовое общественное движение (*astroturfing*), что привело к имитации форм спонтанной мемориализации. Именно для той ситуации такое объяснение убедительно: “официальный” мемориал действительно был создан для перехвата нежелательной низовой инициативы. Но вот для анализа поминовения казанской трагедии такая логика не подходит, поскольку самого момента перехвата нет — и представители власти, и рядовые граждане просто выражают скорбь по школьникам и учителям, застреленным безжалостным убийцей, какой-либо дополнительной мотивации не прослеживается.

Однако остается открытым вопрос: почему в западных странах государство и его агенты не считают нужным включаться в выражение скорби по поводу резонансных трагедий, а в России есть противоположная тенденция — агенты государства стимулируют мемориализацию, копируя “спонтанные” формы? Предположу, что причина российской специфичности — в традиции административной иерархичности, пронизывающей общество, стремящейся мобилизовать его на различные коллективные действия.

* * *

Обилие новаций в сфере коммеморативного позволяет говорить о возникновении “новой культуры катастрофы”, или “нового общественного траура” (Walter 2008: 241–262). На протяжении нескольких последних десятилетий был сформирован язык публичного символического выражения скорби, связанного с резонансными трагедиями. Этот язык предполагает возникновение преимущественно спонтанных коммеморативных практик, основанных на инициативе частных лиц и небольших заинтересованных групп. Речь идет о формировании в городском пространстве специальных символически нагруженных мест памяти, о манипуляции цветовыми гаммами, имеющими символическое значение, об использовании репертуара индивидуальных и групповых коммеморативных действий. Однако в России наблюдается тенденция к присвоению таких практик государством и его акторами.

* * *

В тематический блок вошли также статьи Д.А. Радченко и А.В. Загорулько и Е.А. Крыкова. В своем исследовании “Памятники святым: противоречия и неопределенности сакрального ландшафта российских городов” Д.А. Радченко анализирует активно устанавливаемые в последние годы памятники святым как новые точки сакрального ландшафта, оказывающиеся одновременно и объектами публичных ритуальных практик, и причинами городских конфликтов, связанных с возможностью/невозможностью реализации этих практик.

В статье “Апотропеические практики в среде автовладельцев: опыт большого города” А.В. Загорулько и Е.А. Крыков анализируют автомобильные практики, в том числе апотропеические, неразрывно связанные с городской культурой. Чаще всего апотропеический обряд совершается при покупке новой машины или после ремонта старой. На материалах полевых исследований в Москве и Тегеране, а также на основании анализа японских, тайских и корейских интернет-ресурсов показано, каким образом элементы современной постиндустриальной культуры большого города встраиваются в обрядность.

Примечание

¹ Я не стремлюсь здесь описать современные практики спонтанной публичной коммеморации в полном объеме; так, за рамки статьи выведены практики проведения мемориальных уличных акций, поминальные действия в пространстве интернета и мн. др.

² См.: Архипова А.С., Козлова И.В., Гаврилова М.В. Кричать нельзя молчать: горе как акт протеста или лояльности // Фольклор и антропология города. 2019. № 1–2. С. 82–121. (Архипова А.С. внесена Минюстом РФ в список иноагентов.)

Источники и материалы

- В Екатеринбурге 2021 — В Екатеринбурге возлагают цветы к стихийному мемориалу у представительства Татарстана // Облгазета.ru. 30.05.2021. <https://www.oblgazeta.ru/society/123254/?fbclid=IwAR0nD6zju3zn7oLmMPepoNu3iJUnVXQ9uJpLA46iGpkN5GEnKm4aX6PQq4Y>
- Громов 2018 — Громов Д.В. Мы идем в тишине. Как люди помнят то, о чем государство не хочет помнить: народные мемориалы в память о событиях 1993 года // N+1. 05.10.2018. <https://nplus1.ru/material/2018/10/05/memo>
- Жители Владимирской 2021 — Жители Владимирской области несут цветы в память о жертвах трагедии в Казани // Владимирские ведомости. 30.05.2021. <https://vedom.ru/news/2021/05/12/47238-zhiteli-vladimirskoy-oblasti-nesut-cvety-v-pamyat>
- Жители республики 2021 — Жители республики несут цветы к стихийному мемориалу в память о жертвах теракта в Казани // Новости Алтая. 13.05.2021. <https://altay-news.net/society/2021/05/13/13555.html>
- Лукашенко... 2020 — Лукашенко назвал предполагаемое место начала гражданской войны в Белоруссии // Lenta.ru. 17.11.2020. <https://lenta.ru/news/2020/11/17/memorial>
- Мемориал 2019 — Мемориал в память об убитой Анастасии Ещенко организовали в Петербурге // 360. 11.11.2019. <https://360tv.ru/news/obschestvo/memorial-v-pamjat-ob-ubitoj-anastasii-eschenko-organizovali-v-peterburge>
- О чем говорит... 2015 — О чем говорит “Антимайдан”: от высказывания к ритуалу // Мониторинг актуального фольклора. Бюллетень исследовательской группы. 2015. Вып. I—III (январь—март 2015 г.). С. 27—36.
- Сахалинцы 2021 — Сахалинцы присоединились к траурным мероприятиям в память о жертвах трагедии в Казани // SakhalinMedia.ru. 12.05.2021. <https://sakhalinmedia.ru/news/1098402>
- Свеча памяти 2021 — Свеча памяти на Черном тюльпане! Казань, Серпухов с вами! // VK.com. Подслушано Серпухов. ДТП и ЧП. 12.05.2021. https://vk.com/kznlife?from=quick_search&z=video-80550920_456245485%2Fccell179eb235d69009%2Fpl_wall_-38665380
- Свеча памяти 2024 — Свеча памяти // Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Свеча_памяти
- Словохотова 2021 — Словохотова В. “Мама твердила, что с чужими уходить нельзя”. Репортаж из Вологды, где женщина убила 9-летнюю девочку // Правмир. 22.10.2021. <https://www.pravmir.ru/mama-tverdila-chto-s-chuzhimi-uhodit-nelzya-reportazh-iz-vologdy-gde-zhenshhina-ubila-9-letnyuyu-devochku>

Научная литература

- Громов Д.В. “Вы меня не ждите...”: что фиксируется на современных могильных памятниках // Живая старина. 2010. № 1. С. 30—33.
- Громов Д.В. Уличные акции (молодежный политический активизм в России). М.: ИЭА РАН, 2012.
- Громов Д.В. Обрядность в городском ландшафте — объекты и практики // Традиционная культура. 2013. № 3. С. 71—82.

- Громов Д.В. Конфликт в Бирюлёво // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 108–118.
- Громов Д.В. Немцов мост: стихийная мемориализация. М.: ИЭА РАН, 2017.
- Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 150–164.
- Соколова А.Д. Спонтанная мемориализация в городском ландшафте: случай ярославского “Локомотива” // Государство. Религия. Церковь. 2014. № 1. С. 67–106.
- [Соколова А.Д.] Сбитый самолет и теракт в Париже: между протестом и мемориализацией // Мониторинг актуального фольклора. Бюллетень исследовательской группы. 2015. Вып. XI–XII (ноябрь–декабрь 2015 г). С. 4–9.
- Югай Л. Помянуть стихами: коммеморативная наивная поэзия // Археология русской смерти. 2016. № 3. С. 39–51.
- Югай Е.Ф. (Не)вечная память: жизнь и смерть спонтанных мемориалов // Фольклор и антропология города. 2019. № 1–2. С. 122–143.
- Arvanitis K. The “Manchester Together Archive”: Researching and Developing a Museum Practice of Spontaneous Memorials // Museum and Society. 2019. Vol. 17 (3). P. 510–532.
- Cann C.K. Virtual Afterlives: Grieving the Dead in the Twenty-First Century. Lexington: The University Press of Kentucky, 2014.
- Margry P.J., Sánchez-Carretero C. Rethinking Memorialization: The Concept of Grassroots Memorials // Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death / Ed. P.J. Margry, C. Sánchez-Carretero. N.Y.: New York University; University of Southampton, 2011. P. 1–48.
- Milošević A. Historicizing the Present: Brussels Attacks and Heritagization of Spontaneous Memorials // International Journal of Heritage Studies. 2018. Vol. 24 (1). P. 53–65.
- Rajković Z. Roadside Memorial Signs for Traffic Accident Victims // Narodna umjetnost: hrvatski časopis za etnologiju i folkloristiku. 1988. Special Issue 2. P. 167–180.
- Rulfs M. Marking Death: Grief, Protest, and Politics after a Fatal Traffic Accident // Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death / Ed. P.J. Margry, C. Sánchez-Carretero. N.Y.: New York University; University of Southampton, 2011. P. 145–168.
- Santino J. Performative Commemoratives: Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death // Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death / Ed. J. Santino. L.: Palgrave Macmillan, 2006. P. 5–15.
- Santino J. Spontaneous Shrines, Memorialization and the Public Ritualesque // Ritsumeikan University Institute for Research in Humanities Bulletin. 2010. Vol. 94. P. 51–65.
- Scott J.C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. Yale: Yale University Press, 1990.
- Walter T. The New Public Mourning // Handbook of Bereavement Research and Practice: Advances in Theory and Intervention / Ed. M.S. Stroebe, R.O. Hansson, H. Schut and W. Stroebe. Washington: American Psychological Association, 2008. P. 241–262.
- Wojcik D. Pre’s Rock: Pilgrimage, Ritual, and Runners’ Traditions at the Roadside Shrine for Steve Prefontaine // Shrines and Pilgrimage in the Modern World:

New Itineraries into the Sacred / Ed. P.J. Margry. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2008. P. 201–237.

Research Article

Gromov, D.V. The Language of Grief in Public Space: Practices of Creating “Spontaneous” Memorials in Modern Russia [Yazyk skorbi v publichnom prostranstve: praktiki sozdaniia “spontannykh” memorialov v sovremennoi Rossii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2025, no. 1, pp. 5–22. <https://doi.org/10.31857/S0869541525010016> EDN: URYPTD ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Gromov Dmitry | <http://orcid.org/0000-0002-0443-8718> | gromovdv@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

commemorative practices, spontaneous memorial, places of memory, funeral and memorial rites

Abstract

This article is an introduction to the issue’s special theme on “Ritualism in the Space of a Contemporary City”, by Daria Radchenko, and Andrey Zagorulko and Egor Krykov. Over the past few decades, a language has been formed for public symbolic expression of grief associated with resonant tragedies. This language assumes: the formation of special symbolically loaded memory places in the urban space; manipulation of colour schemes that have symbolic meaning; the use of a repertoire of individual and group commemorative actions. Such commemorative practices arose as predominantly spontaneous actions based on the initiative of individuals and small interest groups. However, in Russia there is a tendency for the state and its actors to appropriate such practices.

References

- Arvanitis, K. 2019. The “Manchester Together Archive”: Researching and Developing a Museum Practice of Spontaneous Memorials. *Museum and Society* 17 (3): 510–532.
- Cann, S.K. 2014. *Virtual Afterlives: Grieving the Dead in the Twenty-First Century*. Lexington: The University Press of Kentucky.
- Gromov, D.V. 2010. “Vy menia ne zhdite...”: chto fiksiruetsia na sovremennykh mogil’nykh pamiatnikakh [“Don’t Wait for Me...”: What is Recorded on Modern Grave Monuments]. *Zhivaia starina* 1: 30–33.
- Gromov, D.V. 2012. *Ulichnye aktsii (molodezhnyi politicheskii aktivizm v Rossii)* [Street Actions: Youth Political Activism in Russia]. Moscow: IEA RAN.
- Gromov, D.V. 2013. Obriadnost’ v gorodskom landshafte — ob’ekty i praktiki [Ritualism in the Urban Landscape: Objects and Practices]. *Traditsionnaia kul’tura* 3: 71–82.
- Gromov, D.V. 2014. Konflikt v Biriulevo [Conflict in Biryulevo]. In *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel’nykh gosudarstvakh v 2013 godu. Ezhegodnyi doklad*, edited by V.A. Tishkov and V.V. Stepanov, 108–118. Moscow: IEA RAN.
- Gromov, D.V. 2017. *Nemtsov most: stikhiinaia memorializatsiia* [Nemtsov Bridge: Spontaneous Memorialization]. Moscow: IEA RAN.
- Margry, P.J., and C. Sánchez-Carretero. 2011. Rethinking Memorialization: The Concept of Grassroots Memorials. In *Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death*, edited by P.J. Margry and C. Sánchez-Carretero, 1–48. New York: New York University; University of Southampton.

- Milošević, A. 2018. Historicizing the Present: Brussels Attacks and Heritagization of Spontaneous Memorials. *International Journal of Heritage Studies* 24 (1): 53–65.
- Rajković, Z. 1988. Roadside Memorial Signs for Traffic Accident Victims. *Narodna umjetnost: hrvatski časopis za etnologiju i folkloristiku* 2: 167–180.
- Rulfs, M. 2011. Marking Death: Grief, Protest, and Politics after a Fatal Traffic Accident. In *Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death*, edited by P.J. Margry and C. Sánchez-Carretero, 145–168. N.Y.: New York University; University of Southampton.
- Santino, J. 2006. Performative Commemoratives: Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death. In *Spontaneous Shrines and the Public Memorialization of Death*, edited by J. Santino, 5–15. London: Palgrave Macmillan.
- Santino, J. 2010. Spontaneous Shrines, Memorialization and the Public Ritualesque. *Ritsumeikan University Institute for Research in Humanities Bulletin* 94: 51–65.
- Scott, J.C. 1990. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. Yale: Yale University Press.
- Sokolova, A.D. 2014. Spontannaia memorializatsiia v gorodskom landshafte: sluchai yaroslavskogo “Lokomotiva” [Spontaneous Memorialization in the Urban Landscape: The Case of Yaroslavl’s “Lokomotiv”]. *Gosudarstvo. Religii. Tserkov’* 1: 67–106.
- [Sokolova, A.D.] 2015. Sbityi samolet i terakt v Parizhe: mezhdru protestom i memorializatsiei [The Downed Plane and the Terrorist Attack in Paris: Between Protest and Memorialization]. *Monitoring aktual’nogo fol’klora. Biulleten’ issledovatel’skoi gruppy* XI–XII: 4–9.
- Sokolova, A.D., and A.B. Yudkina. 2012. Pamiatnye znaki na mestakh avtomobil’nykh avarii [Memorial Signs at the Sites of Car Accidents]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 150–164.
- Walter, T. 2008. The New Public Mourning. In *Handbook of Bereavement Research and Practice: Advances in Theory and Intervention*, edited by M.S. Stroebe, R.O. Hansson, H. Schut, and W. Stroebe, 241–262. Washington: American Psychological Association.
- Wojcik, D. 2008. Pre’s Rock: Pilgrimage, Ritual, and Runners’ Traditions at the Roadside Shrine for Steve Prefontaine. In *Shrines and Pilgrimage in the Modern World: New Itineraries into the Sacred*, edited by P.J. Margry, 201–237. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Yugai, L. 2016. Pomianut’ stikhami: kommehorativnaia naivnaia poeziia [To Commemorate in Poems: Commemorative Naïve Poetry]. *Arkheologiiia russkoi smerti* 3: 39–51.
- Yugai, E.F. 2019. (Ne)vechnaia pamiat’: zhizn’ i smert’ spontannykh memorialov [(Un) Eternal Memory: The Life and Death of Spontaneous Memorials]. *Fol’klor i antropologiiia goroda* 1–2: 122–143.